

Вновь, как за четыре года до этого, в июле 1914 года, грянул набат над Северским Донцом. Снова объявлен казачий сполох!

Мигом казаки достали припрятанное оружие. Прозвучала команда: «На конь!», и появившиеся как из-под земли всадники не дали уйти из хутора ни одному продотрядовцу. Теперь молодую траву окропила другая кровь, но она уже не смешивалась с молоком. Её впитала весенняя пушистая земля.

Для того чтобы отсечь казакам возможный путь отступления вдоль правого берега Северского Донца, была направлена группа красногвардейцев с горсткой конницы. Но манёвр не удался. Возле хутора Швечикова их ждала засада. Скрывшиеся за каменными карнизами казаки, имевшие всего один пулемёт, стрелявший очень короткими очередями из-за недостатка патронов, и винтовки сначала остановили эту группу, а потом и погнали её до самой линии железной дороги.

В отместку за поражение и, не имея сил для захвата хутора, по нему выпустили с десяток снарядов из красногвардейской трёхдюймовки, снятой с платформы бронепоезда. Загорелись крайние хуторские курени, и их стали тушить сбежавшиеся хуторяне.

Тут же стихийно составленный отряд казаков вернулся к себе в хутор. Сначала потушили пожар, а потом подсчитали потери.

Три хуторских казака были убиты. Пять ранены, и их разобрали по домам лечить и ставить на ноги. У нападавших потери были в два раза больше.

Своих убитых на следующий день похоронили на кладбище, а погибших пришельцев зарыли около скотомогильника, там, где когда-то зарывали отстрелянных по хутору бродячих собак.

— Эти ничуть не лучше, — сказал вернувшийся к исполнению своих прежних обязанностей хуторской атаман Тимофей Богучарсков.

— Их никто на нашу землю не звал, потому расплату и получили.

Среди убитых оказались два китайца.

«Наверняка бывшие шахтёры», — подумал Тимофей, когда увидел побитые кусками породы, в синих шрамах руки узкоглазых бойцов.

Вслух проговорил:

— Ну и трудились бы в своей шахте дальше. Зачем на чужой земле хозяйничать и самое святое — хлеб насущный — у людей отбирать? Мы же уголь у вас не отбираем!

Вопрос остался без ответа.

И снова хутор Швечиков затаялся до следующего столкновения. Но теперь уже основные события переместились в само поселение станицы Гундоровской, и красные войска подошли с другого направления, со стороны станицы Каменской.

На третьей неделе апреля восемнадцатого года гостевала бабка-повитуха Агафья в станице у дальних родственников, а заодно и приглядывала за бывшей на сносях невесткой своего даже не двоюродного, а троюродного брата. В ночь на 17 апреля 1918 года разродилась невестка казачком и назвали его в честь деда — Степаном.

Агафья после тяжёлой бессонной ночи позоревала и отправилась к станичному правлению, чтобы напроситься в попутчицы до своего хутора Швечикова и не теленкаться почти десять вёрст пешака, а проехать на подводе. Но в полдень у станичного правления разразились такие события, что ни-

какая попутная подвода появиться не могла.

Уже больше месяца будоражило станицу. Несколько раз засылались

Плакат красных войск с призывом сдавать оружие. 1918 год.

Плакат белых войск. 1918 год.

в Гундоровскую и на хутора отряды красногвардейцев, и каждый раз они получали отпор от казачьего населения.

В тот день представители красных войск решили начать с переговоров. Их делегация приехала на тачанке, с которой был снят пулемёт.

Комиссар, низенький плотный мужчина в очках, лысоватый, на вид лет под сорок, находился в окружении ещё трёх представителей новой власти.

Внимание станичников сразу привлекла худая, будто чахоточная, женщина в мешковато сидевшей на ней чёрной кожаной куртке. Повязанная по самые брови белая косынка ещё больше подчёркивала её худобу. Под широкой синей юбкой несуразно смотрелись высокие, ярко-жёлтые шнурованные женские ботинки. Несмотря на напряжённость общей обстановки, собравшиеся у правления казачки живо обсуждали внешний вид непрошеной гостьи:

— Одежда не в цвет, худоба несусветная и смотрит со злом, как будто взглядом пожечь наши курени хочет...

Когда делегация зашла в станичное правление, у двери остался один из прибывших красногвардейцев и рядом с ним — дежурный по станичному правлению.

Красногвардеец стоял молча, отрёпённо глядя на шумевшую толпу, словно не слыша никаких возгласов, которые становились громче и громче:

— Парламентёры понаехали! Сначала по хуторам из пушек шмаляют, детишек и баб изничтожают, а потом приходят и что-то предлагают.

В эту самую толпу уже принесли весть о том, что именно предлагают парламентёры.

Прежде всего, в срок двадцать четыре часа сдать всё оружие, что есть на руках. За это же время выдать всех офицеров, причастных к командованию казаками во время разгрома отряда красных, шедшего на соединение со своими из станицы Луганской на окружную станицу Каменскую.

— Офицеров они требуют выдать! Да ни в жисть! Это чего ж, муж мой, ранетый-переранетый, пойдёт в холодную только за то, что защищал своё, а не чужое? А вот они как раз на чужое и позарились...

— Оружие захотели? Да ещё всех видов... Огнестрельное и холодное! А они его покупали за свои кровные? А может, в бою с врагами добывали?

Станичники, собравшиеся на майдане, стали требовать:

— Пусть атаман выйдет, обскажет всё!

Полковник Пасечников, исполнявший обязанности станичного атамана, вышел на крыльцо и громко, чтобы все слышали, стал говорить:

— Станичники! От нас приехавшие парламентёры потребовали выполнить три не признаваемых нами действия.

Первое: выдать для разбирательства, а это, считай, на верную гибель, офицеров, которые были в отрядах Чернецова, Краснянского и у других командиров. А также тех офицеров, которые нынешней весной командовали нашими станичными отрядами казаков.

Второе: сдать всё огнестрельное и холодное оружие.

И третье: возобновить правление в станице и на хуторах через Советы.

Так что, станичники, мы этот ультиматум отклонили. Как вы считаете, правильно мы сделали?

Из толпы разногласно зазвучало:

— Верно!

— Правильно!

— Любо, атаман, любо!

— Поступай по совести, мы к тебе в доверии!

Казаки расходиться не хотели и, всё более распаясь, продолжали обсуждать ультиматум красных войск.

В это время тачанка с парламентёрами уже переехала речку Большую Каменку и стала подниматься на бугор в сторону станицы Каменской. Как только делегация скрылась за увалом, так не понравившаяся станичникам парламентёрша быстро сменила свою белую косынку на красную. Это и был условный знак для артиллерийского наблюдателя.

Увидев тачанку в окуляры бинокля, он доложил своему командиру батареи:

— Косынка красная, Виктор Григорьевич. Значит, не договорились...

— Тогда действуем по ранее обговорённому плану. Батарея, слушай мою команду! По врагам революции, по белоказачьей станице Гундоровской — огонь!

Три трёхдюймовых пушки выплонули снаряды почти одновременно.

Первый снаряд разорвался на станичном майдане, второй разбил звонницу на Успенском храме, третий с большим перелётом разорвался на окраине станицы.

Бабку Агафью подхватила взрывная волна и швырнула её на кованую ограду Успенского храма. Последнее, что видела в своей жизни повитуха, — это как расплакавшийся полугодовалый малыш, принятый её руками как раз в октябрьские дни семнадцатого года, ползал возле окровавленной матери, а рвущиеся в воздухе шрапнельные снаряды рассеивали остатки толпы, в панике разбегавшейся со станичного майдана.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание: Все иллюстрации,
использованные в настоящей статье,
взяты из архива автора
и общедоступных источников.